

18+

АНДРЕЙ АКИМОВ

Хроники Центрального Континента

КНИГА 3. СТРАЖИ ПЫЛАЮЩЕЙ ЯМЫ

Андрей АКИМОВ

**Хроники Центрального
Континента. Книга 3.
Стражи Плающей Ямы**

«Издательские решения»

Акимов А.

Хроники Центрального Континента. Книга 3. Стражи
Пылающей Ямы / А. Акимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839531-4

Третья книга из серии «Хроники Центрального Континента» рассказывает о стражах пылающей ямы — жутких палачах загробного царства. Они проникают в мир живых людей в поисках беглянки, воскрешенной одержимым хозяином блуждающего цирка. Сбежавшая из мира мертвых принцесса пытается совершить судьбоносный для всего континента переворот. Методы решительно настроенной девушки коварны и беспощадны. В ее жестокую игру вовлекаются персонажи, которые способны пошатнуть устоявшийся баланс этого мира.

ISBN 978-5-44-839531-4

© Акимов А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Хроники Центрального Континента Книга 3. Стражи Плающей Ямы

Андрей Акимов

© Андрей Акимов, 2021

ISBN 978-5-4483-9531-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

За окном шумел хлесткий и не желающий униматься ливень. Ветер с разной периодичностью и силой завывал, походя порой на жалобный вой раненого крупного зверя. Через непродолжительные интервалы темное, застланное сплошной пеленой давящих туч небо озаряли яркие вспышки изломанной всевозможными углами молнии. Почти сразу же после затухания режущих небо жгучих нитей раздавались жуткие резкие раскаты грома. Столица Монтина переживала очередное затяжное пришествие коварных гроз, характерных для Спящего Хребта и всего горного королевства.

В этот вечер Долтон был дома. Офицерам его уровня редко выпадали случаи побыть в кругу семьи. Разумеется, Долтон ловил эти возможности, словно утопающий глотки драгоценного воздуха – вбирая их так же глубоко и храня в себе бережно и долго. Служба при дворце все больше поглощала его время и мысли. Он не раз слышал от соратников о том, что почти все браки военных протекают по единому похожему сценарию, результатами которого непременно являлись отдаление, ложь и измены.

Долтон хотел верить, что в его истории любви все будет иначе.

По случаю его выходного Сильвия распорядилась, чтобы повара приготовили только любимые блюда мужа. Она с умилением наблюдала, как Долтон уплетал куски хорошо прожаренных свиных отбивных в сырном соусе с южными пряностями, запивая их любимым белым вином. Она не хотела ни есть, ни докучать мужу какими-либо разговорами, пока он не насытится своим ужином. Долтон, то и дело хитро поглядывал на улыбающуюся жену, отправляя очередной кусок сочного мяса в рот. Он отрывками поведал жене историю о том, как на Вудланд напало огромное существо из глубин бескрайнего океана, и как жители всех королевств объединились против него, а храбрые и изобретательные воины Северного Материка одолели гигантское создание. Сильвия кивала и изображала внимание, хотя военные дела и проблемы других королевств ее никогда не интересовали.

Закончив с трапезой, он неспешно вышел из-за стола и ослабил ремень на форменных штанах, которые не снимал в течение нескольких дней. Сильвия определенно намеревалась сделать это за него. Сына, как обычно, не было дома, прислуга разбрелась по своим комнатам по повелению хозяйки. Опустевший и замерший дом был целиком в их распоряжении.

Зеленое плиссированное вечернее платье соскользнуло с Сильвии с легкостью пера, и она осталась перед мужем абсолютно нагой. Несмотря на свой возраст, который уже перевалил за тридцать пять, она все еще оставалась шикарной женщиной с завидными притягательными формами. Долтон наполнил ладони мякотью ее груди, а затем принялся покрывать ее поцелуями. Ему захотелось взять ее на столе, где еще оставались еда и вино. Не переставая ласкать, он придвинул свою женщину к столу и одним движением сдернул с него скатерть со всеми приборами, которые разлетелись по комнате. Сильвия издала игривый смешок.

На улице сверкнула молния. В этот миг за окном, у которого находилось их импровизированное ложе, Долтон увидел чей-то силуэт. Он мгновенно отпрянул от жены, чем вызвал ее недоумение.

– Что такое, любовь моя? – ее лица коснулась тревога.

– Там кто-то есть.

Гром саккомпанировал его резкому ответу.

– Где? – Сильвия быстро спустилась со стола и присела за него на корточки. – Кто может там быть, любовь моя! Мне страшно!

Долтон уже успел затянуть ремень и набросить китель.

– Не бойся, дорогая. Оденься и отправляйся в свою комнату. По пути разбуди кого-нибудь из слуг, пусть стерегут твою дверь снаружи.

Лицо мужа выражало уверенность и собранность. Он вынул из ножен полторный меч; сталь издала характерный металлический лязг.

– Я выйду на улицу и посмотрю.

– Пожалуйста, останься здесь! – взмолилась жена.

– Ничего не бойся, моя любовь, – он быстро приблизился, поднял супругу из сидячего положения и, держа за плечи, пронзительно посмотрел в ее глаза.

– Необходимо выйти и проверить двор. Я не могу допустить, чтобы у нас под окнами по ночам кто-то безнаказанно разгуливал с неизвестными намерениями.

– Ты прав, я понимаю.

– Вот и умница. В конце концов, мне могло просто почудиться, – добавил он, беззаботно пожав плечами.

Сильвия растерянно покивала и поспешила по коридору к лестнице, ведущей к комнатам слуг, подобрав с пола на ходу свое платье. Долтон вышел на парадное крыльцо.

Их особняк находился на северной окраине столицы Монтина. Двухэтажное строение примыкало к городской стене снаружи, словно опухоль или ласточкино гнездо. Долтон возвел это чудо-строение, пользуясь своим особенным положением во дворце. Вид из северных окон особняка был просто потрясающим. В редкие ясные дни с высоты Спящего Хребта, казалось, можно было увидеть всю северную часть королевства с ее поросшими редколесьями холмами и скалами. С южной стороны особняк имел просторный двор, ворота которого вливались в городскую стену и выводили в Виндор.

Двор был украшен по воле Сильвии большими и малыми клумбами с разнообразными кустарниками и декоративными аккуратно подстриженными деревцами. Среди них она любила прогуливаться с любимым сыном Лэнсоном, когда мужа не было дома. Сейчас где-то здесь находился чужак. Долтон точно знал это. В свете вспышки молнии он успел различить даже необычную форму доспехов проникшего в его двор наглеца.

Хозяин внимательно осматривал сад жены, вглядываясь в каждое растение, пытаясь уловить хоть малейшее движение чужака. Дождь и тьма осложняли поиски вторгшегося на его территорию человека. Со скатного навеса над крыльцом лил поток воды, образуя практически непрерывную тонкую ажурную пленку. Долтон шагнул к ступеням. В водяной завесе прямо напротив него вдруг образовались прорехи и колебания. Хозяин мгновенно сообразил, что непрошенный гость очутился на козырьке прямо над ним, и следующий шаг, впрочем, как и задержка на месте принесут ему верную гибель.

Долтон прыгнул с крыльца рыбкой вперед и сделал кувырок по скользкой каменной поверхности двора. Через секунду он уже очутился на ногах лицом к крыльцу и молниеносным движением метнул в противника извлеченный во время кувырка из специального кармана в кителе кинжал. Однако злоумышленник уже выполнял умопомрачительный прыжок с козырька в его сторону. Кинжал звякнул о стену дома, разминувшись с выполняющим сальто налетчиком.

В следующее мгновение обрушившийся сверху противник нанес удар ногой с лету Долтону в грудь. Хозяин отлетел на пару шагов и еще несколько футов проехал спиной по сырому каменному настилу. Несколько секунд у отброшенного Долтона было на то, чтобы рассмотреть изящно приземлившегося на землю человека.

Ночной пришелец был облачен в необычные идеально облегающие атлетическую фигуру доспехи, состоящие, будто из чешуи, отливающей в свете окон неясным призрачным отблеском. Голову покрывал плотно обтягивающий капюшон, лицо скрывала гротескная маска с треугольными зубами, прямыми ноздрями и волнистыми вырезами для глаз. Сверкнувшая молния осветила его зловещий силуэт на фоне особняка, с грустным ожиданием взирающего светящимися окнами на своего распластавшегося в лужах хозяина.

Долтон собрался духом и заставил себя максимально быстро встать и принять боевую стойку с мечом, который он не позволил себе выронить.

– Я знаю, кто ты такой! – прокричал хозяин ночному пришельцу.

– Тогда ты знаешь, что тебя ждет, – ответил из-под маски глубокий голос, полный опасного ледяного спокойствия.

– Посмотрим, из чего ты сделан, Чешуйчатый Призрак!

Долтон атаковал. Удар за ударом обрушивались на явившегося в его обитель убийцу. Однако тот отбивался прямо предплечьями, умело выставляя блоки. Лезвие меча не справлялось с необычной броней Чешуйчатого Призрака. Режущие атаки не давали результата, колющие – тоже. Долтон начал метить убийце в лицо, но это было бесполезно. Налетчик, зная, что это его единственное уязвимое место, начал проводить отточенные тысячами раз рукопашные контратаки, которые заставляли хозяина дома врасплох и постепенно изматывали его. Драка затянулась на четверть, может, на треть часа.

Чешуйчатому Призраку не требовалось использовать оружие, однако оно у него, несомненно, имелось. Когда Долтон повалился, окончательно лишившись сил и изнемогая от полученных ушибов, темная фигура нависла над ним в последний раз.

– Ты хорошо сражался. Тот, кто заказал тебя, не обманул, – молвил ровный глубокий голос из под маски. – Ты умрешь. Но я могу выполнить одну твою просьбу в знак почтения к твоей отваге и бойцовскому мастерству.

Чешуйчатый Призрак чуть склонил набок голову, обозначая внимание. Долтон сплюнул кровь и прокашлялся, после чего прохрипел:

– Когда моему сыну исполнится восемнадцать, если будешь жив, расскажи ему, кто меня заказал. Пусть решит, как быть...

Силуэт убийцы еще несколько мгновений оставался недвижим. Затем голос молвил:

– Да будет так.

С этими словами Чешуйчатый Призрак вогнал в шею офицера стеклянный стержень, мгновенно выросший из его ладони.

Глава 1

Все не ладилось с самого утра.

Ночью Векториусу Дарну приснился какой-то кошмар, наложивший тревожный отпечаток на все последующие часы бодрствования. Самое странное, что он так и не смог вспомнить, о чем именно был злосчастный сон, настолько подпортивший настроение. Не возможно было и припомнить, когда он в последний раз просыпался в поту и с громким криком ужаса. Скорее всего, такое было в далеком детстве, и тогда мама успокаивала его, нежно глядя по голове и приговаривая непринужденные и ласковые фразы, дарящие спокойствие и тепло. Этим утром Рена успешно справилась с ролью мамы, вызволяющей ребенка из останков страшного сна.

День выдался непогожий – серое небо упорно поливало королевство Южных Клочков безостановочным и нудным дождем. Почти сразу же после утренней трапезы, во время изучения очередной начатой картины Векториуса начали доносить приступы изнуряющей боли в желудке. Рена распорядилась, чтобы повара и его помощников непременно наказали и заменили на новых, хотя король этого, в принципе, не хотел.

Как назло именно сегодня предстояло провести прием просителей и спорщиков, который Дарн и так уже откладывал два предыдущих раза, по ряду причин. В этот раз проигнорировать своих верноподданных было бы уже крайне неприлично, учитывая, что Векториус весьма щепетильно относился к собственной репутации в глазах простого люда. Потому он счел расстройство желудка помехой не того масштаба, чтобы создавать неприятное напряжение в кругах жителей, стягивающихся в столичную цитадель со всех концов королевства.

Векториус лежал на кровати и без свойственного энтузиазма неотрывно смотрел на недоделанную сцену на холсте: толпы людей с отсутствием прорисовки мелких деталей стояли перед пока еще пустым постаментом на неоформленном фоне. Пейзаж никак не приходил в голову, ровно, как и целостность сюжета картины. Что-то в картине было не так, что-то тревожило короля и, то и дело наводило на мысль о том, что лучше покончить с ней, и начать новую. Одновременно с этим его терзала жажда непременно довершить начатое, ибо не в его принципах было бросать что-либо на половине пути.

Рена вошла в его покои, как обычно, без стука.

– Любимый, люди заполнили зал, – присаживаясь на край его кровати, начала она. – Похоже, в этом месяце нахлынуло за все предыдущие вместе взятые.

– Не сомневался в этом ни на миг, – нехотя улыбнулся он.

– Как ты себя чувствуешь? Сможешь провести прием? Наверняка, это затянется на весь день.

Он взглянул в ее большие зеленые глаза, которые участливо вглядывались в его изможденное внезапным недугом лицо. Векториус принял сидячее положение и, прижавшись к девушке, нежно потерся носом о ее щеку.

– Обожаю твой запах! – запустив руку в ее черные волосы, блаженно молвил Дарн вместо ответа.

– Может, все же отменишь прием? Хотя бы переложи на завтра. Ты же все-таки король, тебе не нужно оправдываться перед кем-либо.

– Сколько можно уже отменять да откладывать, – шумно вздохнув и поднимаясь с кровати, сказал Векториус. – Большинство из прибывших сюда людей не рассчитывало на ночевку в столице. Да и не какой-нибудь я маленький мальчик, чтобы спасовать перед банальным расстройством желудка. Я же, как-никак, король! В самом крайнем случае, чтобы полегчало, наложу прямо в приемном зале королевскую кучу, и все дела!

Рена хихикнула и, поднявшись с кровати, расправила на нем слегка измятый бурого цвета костюм с множеством металлических элементов, которые он так любил. Она помогла ему накинуть расписную королевскую мантию.

– Уже выбрал перчатки?

– Да, вот такие, – он указал на лежащую на столе пару.

– Ну, тогда желаю тебе хладнокровности и терпения. Не руби сгоряча, будь мудрым и рассудительным, как и всегда, мой любимый король!

– Слушаюсь, моя королева! – улыбнулся Дарн уже более правдоподобной улыбкой.

Напоследок его взгляд скользнул-таки по незаконченной работе на холсте. Странная сцена с пустующим постаментом так и закинула в почву его сознания плодовитое зерно нервного напряжения.

Войдя в огромный приемный зал, Векториус первым делом почувствовал перенасыщение воздуха запахами грязной и мокрой одежды и немытых тел. Просторное помещение с тремя рядами толстых колонн было забито простолудинами до отказа. Все они разом прекратили свои разговоры и преклонили головы перед появившимся королем.

Правитель опустился в возвышающееся над площадью зала вытянутое кресло и сделал разрешающий жест ограждающим его от толпы стражам. Караульные разомкнули скрещенные алебарды, и на пустующий перед королем пяточок, обозначенный рыжим овальным ковром с крупным ворсом, вышли двое – мужчина и женщина. Оба были в почтенном возрасте, одеты скромно, мужчина – худощав и сгорблен, женщина – полна, но осаниста.

Женщина явно была главой семьи, она и начала причитать о том, что Незримый не дал им с мужем за всю их жизнь возможности занять чада. А они так мечтали о ребенке, и именно благородного происхождения (такой себя мнила женщина). Просьба этих людей заключалась в том, чтобы король позволил им усыновить кого-либо из детей дворцовой знати, чтобы они смогли растить его и оставить свои владения в наследство. Владениями оказалось вполне приличное поместье на окраине столицы.

Векториус слету не мог распорядиться чьим-то ребенком, хотя имел в голове несколько вариантов жителей цитадели, которым их дети были явно в тягость. Дарн обещал удовлетворить просьбу стариков, но на следующий день, так как они являлись жителями столицы, и нужно было подумать внимательно, чье именно дитя отправится жить к этим людям.

Следующими перед ним предстали двое мужчин, оказавшихся караванщиком и торговцем, которые не могли решить, на чьи плечи падут расходы за погибшего в пути коня. Торговец, естественно, уверял, что по всей логике вещей не обязан отвечать за коней караванщика. Его поставщик в свою очередь уверял, что товар, за которым уговорил его отправиться торговец, находился в непроходимых местах, о чем изначально тот умолчал. В результате, по мнению владельца животного, оно погибло именно по вине заказчика товара.

Правитель внимательно выслушал каждого из очень принципиальных и решительно настроенных мужчин, после чего мгновенно решил этот вопрос, повелев им поделить расходы напополам. Дельцам ничего не оставалось, как подчиниться воле короля, не смотря на уверенность каждого из них только в собственной правоте.

Следующей была юродивая молодая девушка, служащая при храме Незримого в удаленном от столицы поселении. Она просила у короля разрешения и средств на возведение небольшого предела для беспризорников, которых в их краю стало слишком много. В случае успеха ее затеи, девушка обещала следить за несчастными, обучать их, чему сможет, и отчитываться про результаты перед настоятелем храма, а тот, в свою очередь, будет держать ответ перед королем или его послами.

Это дело правитель, немного поразмыслив, решил одобрить и направил просительницу в сопровождении одного из стражей к главному казначею с лаконичной запиской, содержащей указания на этот счет.

Просители и спорщики сменяли друг друга, а их общее, количество в зале, казалось, не убывало. Королю даже начало казаться, что их, наоборот, становилось все больше и больше. Его состояние заметно ухудшалось с каждым часом, проведенным в приемном зале. Боли в желудке стали все более продолжительными, а перерывы между ними становились все короче. Векториуса пробивал пот. Мышцы его напрягались и превращали его тело в подрагивающий камень.

Пытаясь скрыть скверное самочувствие, Дарн перестал думать трезво, и начал выносить нелогичные и несправедливые решения. В зале начал нарастать недовольный рокот. В какой-то момент правителю показалось, что кто-то шепнул в толпе про него какую-то гадость. Векториус поднялся с кресла, преодолевая желудочную боль. Он пытался высмотреть наглеца посмеявшегося оскорбить своего короля в его собственном доме.

Правитель искал злобным взглядом своего обидчика, но каждый из присутствовавших спешил опустить глаза. Внезапно он понял, что люди, излагающие в данный момент ему свои проблемы, не могут понять причину такого его поведения. Дарн так же обратил внимание, что стражи косятся на него с заметным недоумением. Было похоже, что кроме него, никто больше не услышал крамольного высказывания из толпы.

Векториус сел на место. Непроизвольно сжались глаза от очередного приступа боли. Он долго тер указательным и большим пальцами правой руки свои прикрытые веки, а когда открыл глаза, его взгляд упал на стоящих перед ним пышно одетого мужчину и распутного вида женщину.

... так ли остается поступить? – возбужденно вопрошал его мужчина.

Правитель ни как не мог понять в чем суть вопроса, и просто молча продолжал смотреть на представшую пред ним пару.

– Так ли мне нужно поступить, Ваше Величество? – тяжело дыша, едва не срывающимся голосом переспросил мужчина.

Векториус не нашелся, как выйти из этой ситуации.

– Да, – просто ответил он.

Мужчина решительно кивнул себе и своим мыслям, после чего перевел взгляд на ближайшего стража. Караульщик, во все глаза глядя попеременно на короля, мужчину и женщину, не встретил ни от кого из них ни одного слова или жеста. В следующее мгновение он отвел свою алебарду для замаха, и, ухнув, широкое лезвие срубило зажмурившейся женщине голову.

Из сруба забила ровная струя крови, тело повалилось вперед, заливая толстый ворс ковра и быстро впитываясь в него. Голова несчастной лежала на боку, глаза остались зажмуренными.

По залу разнеслись громкие ахи и вздохи. Мужчина, пришедший с только что казненной женщиной, бездумно кивал головой, словно не веря, что это все-таки произошло. Векториус оказался в полном смятении, он даже на мгновения забыл про боль. Широко распахнув глаза, Дарн взирал на кровавый результат принятого им решения.

– Ублюдок.

Это снова было сказано кем-то из все громче негодующей толпы в его адрес, Векториус был уверен в этом. Правитель вновь резко поднялся с кресла, всматриваясь в лица собравшихся в зале людей. На этот раз ни кто не прятал глаз от его взгляда. Каждый из присутствующих взирал на него, будто бы с демонической яростью, словно в следующий момент эта ненавидящая короля толпа бросится, чтобы разорвать его на части.

По спине Дарна пробежал холодок.

Как бы поступила Рена? Приказала бы высечь их всех? Или отправила бы сразу в Пылающую Яму вслед за казненной распутницей?

Но причем здесь Рена?

Эти мысли окончательно сбили правителя с толку. Он запаниковал.

Неожиданно все вокруг начало преобразаться. Приемный зал начал истлевать, подобно сгорающему листу бумаги. Растворялись окна, гобелены, мозаика на стенах, плитка на полу, толстые и длинные колонны, подпирающие потолок. Оставались только пришедшие сюда сегодня люди и он.

В образовавшейся серой пустоте его кресло вдруг начало вырастать в основании, медленно унося короля ввысь. В какой-то момент оно перестало расти, и Векториус с ледящим душу ужасом понял: он находился внутри своей незавершенной картины. На пустовавшем некогда постаменте теперь находился он сам, а внизу скопились те самые безликие не детализированные силуэты.

Сердце Векториуса бешено прыгало в груди. Он склонился и взглянул вниз. Неоформленные существа обступили его постамент и, судорожно карабкались вверх по ровной отвесной глади. До слуха короля доносился нервнопаралитический потусторонний гул, сквозь который он едва мог различить чей-то ледящий душу замогильным ужасом голос:

– ПОКАЖИ!

Сердце Дарна рвалось прямо к горлу, будто он с разбега нырнул в ключевую воду в самую суровую стужу. Страх закутывал его в темные липкие тенета, заставляя забыть о чести и мужестве короля. Ближайший из подползающих силуэтов оказался уже в пределах вытянутой руки.

– ПОКАЖИ!!! – прогремел в голове сыпучий и прерывистый голос.

Показать что? О чем вопрошал невидимый враг?

Векториус не мог знать ответа на этот вопрос. Не мог он больше и держать себя в руках. Размытая конечность подобравшейся жуткой фигуры тянулась к его ногам. Дарн зажмурился и, что было сил, дико закричал.

Он проснулся с криком ужаса и резко принял сидячее положение. Рена всполошилась, поднялась и прижалась к нему. Векториус тяжело дышал, был весь в поту, белье под ним было насквозь мокрым. Она принялась нашептывать ему милые глупости, которые в данной ситуации мог положительно воспринять мозг чересчур взволнованного человека. Через несколько мгновений дыхание короля пришло в норму, взгляд обрел рассудительность.

– Все в порядке, дорогой? Ты пришел в себя? – нежно промурлыкала Рена.

– Похоже, что да, – немного растерянно ответил Дарн.

– Что тебе приснилось?

Векториус медленно вытер пот со лба тыльной стороной предплечья и уныло ответил, что не помнит.

– Может, ты просто не хочешь об этом говорить? – предположила девушка.

– Я, правда, не помню. От тебя бы я скрывать ничего не стал, – глядя в ее зеленые глаза, проговорил король.

– Ну, тогда просто выкинь это из головы, – увлекая его обратно в горизонтальное положение, сказала Рена.

– Я так вспотел, что здесь невозможно продолжать находиться! – коснувшись простыни, шуточно закапризничал король.

Рена посмеялась над ним, словно над котенком, играющим с собственным хвостом.

– Тогда давай, поднимайся, ваше величество! Уже утро, пора приниматься за наши королевские дела!

Она длительно потянулась, а он едва сдержался, чтобы не наброситься на ее прелестное, гибкое тело. Однако, действительно, пора было вставать и приниматься за намеченные дела.

Завтрак принесли довольно быстро. Настроение, заданное не запомнившимся кошмаром и льющим за окнами непрерывным дождем, не позволяло в полной мере насладиться утренней трапезой. Любимого вишневого вермута не хотелось вовсе, и Векториус глотнул совсем немного исключительно за компанию с Реной.

Еще некоторое время занял процесс облачения в один из любимых костюмов с множеством искусно вделанных и подходящих к фасону легких металлических элементов. Рена удалилась в свою гардеробную, которая находилась в другой комнате. Через некоторое время вернулась и обнаружила короля за изучением очередной своей начатой картины в откровенно удрученном настроении. Векториус пожаловался на боли внезапно начавшие терзать его желудок. Рена возмущенно топнула ножкой, всплеснула руками, отозвалась не самыми лестными словами о поваре, и отправилась высказать ему это лично. Так же она намеревалась распорядиться о том, чтобы повара вместе с помощниками отстранили от работ на кухне и наказали так, чтобы впредь он по сто раз перепроверял ингредиенты, если возьмется вновь за свое ремесло. Дарн попытался отговорить возлюбленную от этой коварной затеи, но она была неумолима.

Да, такой уж была эта девушка. Он сам выбрал ее и принимал все ее черты и качества как данное, ибо они казались ему идеальными для целостности образа женщины его мечты. Она стала для него всем. С той самой судьбоносной встречи в королевстве Шайн, когда он возвращался с северного берега Центрального Континента в компании правителя песчаных краев. Ни что в ту пору не радовало Векториуса так, как случайное столкновение с этой давней знакомой, превратившейся в обольстительную и рассудительную девушку. Даже великая победа над чудовищным гигантом, наступавшим со своей армией амфибий на континент не воодушевляла его так, как встреча с прекрасной Реной.

Ныне она была его не названной королевой. Подарить ей этот титул официально мешали древние традиции его рода, которые даже сам Векториус никогда не дерзнул бы нарушить. Тем не менее, ни что не мешало Рене порой действовать во дворце и за его пределами от его имени, но действия эти никогда не были таковыми, чтобы королю было за них стыдно, либо приходилось что-либо исправлять или доделывать за любимой. Хотя столь суровое наказание для повара он, конечно, назначать бы не стал. Но, возможно, в этом и заключалась одна из его извечных закоренелых ошибок: он был слишком мягок к окружающим. Слишком многое он пропускал мимо ушей, на огромное количество, вроде бы, малозначимых мелочей закрывал глаза. Но пристало ли королю быть таковым? Над этим вопросом Рена заставляла его задумываться все чаще.

Боли в желудке не позволяли забыть о себе. Они подкатывали волнами, расстояние между которыми, казалось, сокращались раз за разом. Как назло сегодня предстояло провести прием верноподданных, съехавшихся со всех уголков королевства, чтобы лично просить короля о помощи в делах и спорах.

Рена вновь появилась в покоях Векториуса без всяких предупредительных сигналов. Король был отчасти рад, что пришлось отвлечь внимание от недоработанной картины, которая навевала на него тревожные чувства. На холсте был изображен дворец, верхушки башен которого не имели ровных контуров. Они были похожи и на недорисованные или смазанные. Должны ли они были такими быть, правитель ни как не мог для себя понять. Сверху над дворцом, расправив крылья, нависала какая-то неопределенная птица. Что-то внутри подсказывало Дарну, что следовало бы отправить эту работу на мусорную свалку, но другая его часть противилась этому, так как король, во что бы то ни стало, привык доводить любое начатое дело до конца.

Девушка присела на кровать рядом с правителем и попыталась отговорить его от проведения приема. Но Векториус был настроен решительно, заверив, что какие-то там несварения желудка не явятся причиной в очередной раз откладывать намеченное мероприятие. Он даже сумел отшутиться по этому поводу, превозмогая докучающее самочувствие. Рене ничего не оставалось, как пожелать королю удачи и терпения, а так же мудрости и справедливости, присущей правителям. Дарн покинул покои, но зарисовки на холсте так и притянули

его последний взгляд к себе, пополнив чашу его тревог дополнительными скверными предчувствиями.

В приемном зале было много народу. Казалось, что он вот-вот лопнет от толпящихся между колонн прибывших со всех концов королевства людей. Галдеж мгновенно стих с появлением в зале правителя. Когда Дарн устроился в кресле и подал стражам разрешающий жест, те разомкнули скрещенные алебарды и пропустили на рыжий овальный ковер первых просителей. Ими оказалась престарелая супружеская пара, которая просила усыновления одного из дворцовых младенцев, по причине того, что Незримый не послал им за всю их совместную жизнь собственного. Король пообещал решить этот вопрос, но позже.

Следующими оказались спорщики: купец и караванщик. Они не могли решить вопрос о том, на чьи плечи должны лечь убытки от погибшего во время доставки коня. Векториус повелел им поделить расходы пополам, чтобы не затягивать очевидно не столь важное дело. Далее одна из служительниц какого-то провинциального храма просило выделить ей средства для организации приюта для беспризорников. Это дело Дарн счел вполне достойным, и направил девушку с короткой запиской к главному казначею.

Дальнейшие просители и спорщики проплывали перед ним, словно миражи. Желудочные боли совершенно не давали сосредоточиться. Королю становилось невероятно жарко. Он чувствовал, как струи пота текли по его спине под одеждой. На лбу так же выступала обильная испарина, которую он то и дело вытирал рукавом кителя. Он вдруг услышал, как кто-то из толпы сказал про него непристойность и, поднявшись с кресла, принялся внимательно осматривать присутствующих в поисках наглеца. Однако все упорно опускали глаза под его взглядом и, как он заметил, тоже вытирали с краснеющих лиц пот. Жарко было не ему одному.

Боли одолевали все более длительными приступами. Он обратил взор на представшую перед ним пару. Мужчина и женщина непонимающе смотрели на взволнованного короля, как и ближайшие стражи, и Дарн поспешил сесть. Он потер прикрытые глаза, а когда вернулся в реальность, оказался перед вопросом просителя, суть которого совершенно упустил из-за боли и жара. Мужчина повторил свой вопрос, и король, не желая ничего переспрашивать и уточнять, просто дал свое согласие.

Дальше случилось непредвиденное: один из стражей вдруг срубил голову зажмурившейся спутнице просителя. Кто-то прокричал очередную гадость в адрес вконец растерявшегося правителя. Векториус поднялся с места. Невыносимая жара переполняла зал и, похоже, объяла весь дворец снаружи. Казалось, что зной поступал равномерными периодическими потоками, как если бы кто-то вкачивал ее внутрь дворца из гигантских мехов.

Потолок зала вдруг начал содрогаться. Люди пригибались к полу под натиском невыносимой уничтожающей жары. С очередным звучным грохотом потолок начал крошиться, опадая неровными секторами вниз. Крупные и мелкие камни полетели вдоль дрожащих колонн прямо в переполнившую зал толпу. Людей начало размазывать глыбами по плиточному полу, словно насекомых.

Король застыл с широко распахнутыми глазами. В образовавшейся в потолке огромной дыре он видел, как плавилась заостренная башня его дворца. Причиной всему этому кошмару было существо, в которое не иначе как обратился сам Диск и спустился к грешной земле Векториуса Дарна. Гигантская огненная птица взмахами своих могучих крыльев напускала на дворец волну за волной нестерпимого раскаленного жара.

– ПОКАЖИ! – проревел из неведомых глубин чей-то бесплотный голос.

Король задышался от жары и ни как не мог осознать от кого и про что требует ответа потусторонний голос.

– ПОКАЖИ! – снова прозвучало, не то в голове, не то в глубине рушащихся строений дворца.

Запах раскаленного камня, горящих тканей, волос и плоти сминал ужасом остатки сознания застывшего на месте правителя. Через мгновение он уже осматривал свои собственные руки, которые занялись ярким пламенем. Он почувствовал, как огонь обволакивает его тело и голову, подбираясь к выкатывающимся из глазниц глазам. Векториус, что было сил, отчаянно закричал.

Глава 2

В Виндоре начинался третий день траура. Сегодня должно было состояться погребение умершего короля. Дариус Дэрольф скончался в более чем почтенном возрасте. Последние два года жизни он провел практически, не поднимаясь с постели. Старческие хвори и моральный груз проблем его бедствующего народа серьезно подкосили правителя Монтина в последние годы жизни. Но, возможно, они же и не давали ему спокойно уйти в мир иной столь долгое время.

При жизни Дариус старался быть достойным правителем своего сурового края. В чем-то ему это удавалось, но по большей части скалистые земли всегда были в состоянии запустения. Ресурсов для торговли с соседями было не много, какими-либо разработками Монтин так же не славился. Условия жизни в горном краю испокон веков оставляли желать лучшего. Все основные тракты, которых было не так то и много вечно заваливало осыпающимися камнями и буреломами, что существенно осложняло транспортировки сырья, товаров, а так же передвижения патрульных отрядов и простых путников.

На этих же трактах нередко орудовали мелкие и крупные банды грабителей. Но они хотя бы не отваживались нападать на поселения, как ненавистные Кочевники, которые предпринимали свои вылазки, похоже, исключительно в Монтин. Было ли это связано с их какой-то личной неприязнью к Дэрольфу, или же просто селения ослабленного королевства являлись более доступными мишенями, чем в окружающих краях, покойному правителю так и не удалось выяснить. Теперь же наряду с титулом, дворцом и тучей всевозможных привилегий одному из наследников достанутся и накопившиеся проблемы, которых было ощутимо больше.

Правитель при жизни не мог иметь собственных детей в силу физиологических причин, а потому наследников было несколько. Младшая сестра Дариуса по имени Алика, а так же брат и сестра его покойной жены Мастон Рэлс и Ирла Рэлс. Следующими коленами являлись их дети, среди которых Лэнсон был предпоследним по возрастному критерию. Лэнсон был сыном покойного Долтона Дэрольфа – младшего брата Дариуса.

Из общего количества двоюродных внуков Дариуса Дэрольфа младше него был только сын Масто́на Рэлса – Кастор. Сам Лэнсон никогда не желал участвовать в этой гонке и мог видеть себя у руля Монтина разве что в ночном кошмаре. На пороге своего совершеннолетия он жил беспечными мечтами о доблестных подвигах во имя любви или памяти об отце. Отец – великий воин, один из самых именитых офицеров при дворцовой гвардии – был убит год назад во дворе их собственного дома. Эта трагедия легла тяжелым отпечатком на становление личности Лэнсона.

Долтон безусловно являлся авторитетом для своего сына, но Лэнсон в своем пылком и вольнолюбивом возрасте уделял подражанию отцу не слишком много времени. Все думал, что на это потом еще будет время, а на юношеские подвиги и сердечные дела – нет. Пропадая в затяжных загулах, Лэнсон не успевал в должной мере почерпнуть отцовских знаний и умений. И когда эта возможность исчезла вместе с оборвавшейся жизнью Долтона Дэрольфа, долго и беспощадно корил себя за это.

Из лап почти пожравшей его живьем депрессии ему помогла вырваться Мария. Девушка целиком посвятила себя Лэнсону в тот тяжелый для него период. Она была терпелива и нежна. Всегда умела смолчать или, наоборот, сказать вовремя нужные слова. Одна лишь ее естественная красота порой могла приглушить, а то и вовсе разогнать неприятные мысли. А когда она дарила ему свои ласки, Лэнсон начинал вновь ценить жизнь и думать о том, как прожить ее во имя этой прекрасной девушки.

Однако Сильвия, мать Лэнсона, не разделяла глубокой симпатии сына к Марии. Ее материнское чувство собственности не давало ей одобрить ни одну пассию своего ненагляд-

ного чада. Ей казалось, что ни одна из выбранных ее сыном девушек не была достойна и его мизинца. На этой почве у нее с сыном неоднократно случались конфликты, во время которых Лэнсон, как правило, был вынужден из уважения всегда оставлять последнее слово за матерю. Позднее он просто перестал ставить ее в курс дел своей личной жизни, решив, что таким образом избежит лишних поводов для скандалов.

Но Сильвия по своей сути была неугомонной и дотошной женщиной, потому она всегда знала об очередных контактах сына, приставляя к нему невидимые хвосты, которые, как он не пытался, ни разу не смог рассекретить или укрыть что-либо от них. Такое положение дел, естественно, раздражало Лэнсона, но он был вынужден научиться жить и с этим. Пришлось выработать в себе массу терпения и вести себя так, чтобы матери не хотелось задавать лишних вопросов. А когда эти лишние вопросы все же вспарывали скорлупу молчаливого всеведения Сильвии, сын забрасывал мать усмешками по поводу трещин в ее могуществе, что почти всегда одинаково верно разоружало ее пытливые настроения.

В последние месяцы в редкие минуты их встреч главной темой почти всех бесед Сильвии являлась, разумеется, Мария. Любой разговор в итоге сводился к тому, что эта юная похотливая бездельница хочет лишь воспользоваться доверчивостью и беспечностью Лэнсона. Мать была уверена, что эта девица хотела улучшить свое материальное положение и повысить свой статус на фоне толпы таких же никчемных грудастых дурочек из купеческих кварталов, которые только транжирят родительские деньги и раздвигают ноги перед каждым, кто способен зарифмовать три слова и нарвать охапку ромашек из уличных клумб.

Конечно, Лэнсон не понаслышке знал о таких девушках и, по большому счету, мог рассказать намного больше матери, да еще и во всех подробностях, чем занимались эти юные дамы. Но Мария была не из их числа. Ему казалось, что сам Незримый послал ему ее, чтобы он не сбился с курса настоящих, искренних ценностей и чувств, остающихся в этом жестоком мире. И он был бесконечно благодарен судьбе за такой уникальный дар, как эта девушка.

Уже незадолго до кончины Дариуса Дэрольфа в арсенале матери появился новый предмет неоднократных обсуждений: опустевший трон. Все время, пока король был прикован к постели, но оставался в живых, Сильвия уже говорила о нем в прошедшем времени. Это, конечно, было в ее стиле, она всегда разбирала детально самые наихудшие варианты развития событий. Если кто-либо из их окружения находился в состоянии какого-либо тяжелого недуга, она непременно высказывала свои самые сокрушительные и некорректные прогнозы друзьям и родственникам несчастного при любом удобном случае. При этом она считала, что рассуждает о вполне нормальных и правильных вещах. Все же когда-то умирают.

Но разговоры Сильвии о возможном унаследовании трона ее сыном при живом правителе и целом отряде старших претендентов казались Лэнсону пустым сотрясанием воздуха. Он не любил эту тему в принципе. Его мысли о будущем ни как не вязались даже с намеками о претензиях на трон Монтина. И эти разговоры заставляли его еще более тщательно избегать общения с матерю. Свою судьбу он мечтал связать с военным делом, как отец (правда, пока ничего для этого не делал). Он грезил о титуле одного из великих стратегов в истории скалистого края. Его мнением и советами наверняка будут дорожить, как сокровищем, данным великому королевству по праву. Ну а опыта понабраться – это никогда не поздно.

Утро было туманным и малоприветливым. Похоже, этим днем Диску в очередной раз не суждено было побаловать прямые линии города, венчавшего самую высокую гору Спящего Хребта своими ласковыми теплыми лучами.

– Останешься сегодня у меня, Лэнни? – положив голову ему на плечо, спросила Мария.

В ее голосе проскользнули нотки ласкового каприза, которые никогда не оставляли его равнодушным к звучащим просьбам. Но этой уменьшительно-ласкательной производной от его имени называла его в детстве мать, а мысли о матери в такие моменты он не любил.

– Я просил не называть меня так, – он отвернул голову к маленькому боковому треугольному окошку мансардного этажа ее дома.

– Не совсем понимаю, но больше не буду, – заверила Мария.

– Это я уже слышу не в первый раз.

– Сегодня – все, – она шутливо подняла ладонь, – клянусь, мой не названный принц! Больше ты не услышишь это... это... а что же именно? Вот видишь! Я уже позабыла это навсегда!

Он улыбнулся, повернул к ней голову и взглянул в ее голубые глаза, которые сужались и наливались игривой хитринкой. Ее красивые губы расплзались в манящей улыбке, а рука тем временем скользила вниз по его животу к едва успевшему восстановиться после недавнего бешеного соития инструменту. Лэнсон поначалу не стал препятствовать ее не в меру похотливым действиям, но затем вежливо отстранил Марию. Мысли о предстоящей похоронной процессии больше не давали ему сосредоточиться на ласках девушки.

– Устал? – будто не веря в подобную чепуху, невинно спросила она.

– Не знаю, – буркнул он, поднимаясь с расстеленных прямо на полу шкур диких зверей, небрежно покрытых измятыми в порывах страсти простынями и покрывалами. – Сегодняшний день обещает быть непростым.

– Но ведь он закончится! А я буду ждать тебя прямо здесь, прямо в таком виде.

Она раздвинула свои стройные ножки и запустила меж них руку, показав ему причину, по которой он должен был вернуться сюда после тягот грядущего дня. Он облилиз губы, не сдержав довольную ухмылку. Но уже через мгновение сосредоточился на натягивании штанов и туфлей, обдумывая при этом все возможные варианты и причины по которым можно было бы сократить свое пребывание на обещающей затянуться надолго процессии.

Мария тоже была обречена на символическое прощания с королем, ибо все жители Виндора должны были сегодня выйти на улицы и скорбным молчанием проводить бывшего правителя в последний путь. Но если жители были вольны расходиться по домам, после того, как гроб с Дариусом Дэрольфом минует их квартал, то члены семьи и представители дворцовой знати обязаны были находиться с уходящим в иной мир королем от начала церемонии и до конца.

Одевшись, Лэнсон подошел к центральному ромбообразному окну мансарды, выходящему на улицы города. Слабый просачивающийся с улицы свет осветил его силуэт на фоне окна. Ростом он был около шести футов. Скроенный по самым современным фасонам обтягивающий костюм подчеркивал его далеко не атлетическую, даже шуплую фигуру. Не расчесанные волнистые каштановые волосы спадали на плечи, неряшливо обрамляя еще совсем юное (и обреченное быть таковым, похоже, еще очень долго), совсем не наделенное даже зачатками черт брутального мужчины лицо.

– До скорых встреч, моя несравненная, – открывая ромб створки, почти пропел юный кавалер своей даме.

Мария потягивалась, демонстрируя волнующие изгибы прекрасного молодого тела.

– До вечера, любимый! – промурлыкала она.

Лэнсон взобрался на толстую ветвь могучего дуба, по которой можно было добраться до заветного окна, не обладая какими-либо сверхъестественными способностями. Спускаясь к основанию дерева, Лэнсон едва не сорвался вниз, вызвав замороженный вздох у подобравшейся к окну Марии. Она прикрыла ладошкой рот, распахнув глаза, но он собрался, обернулся и улыбнулся ей. Остальную часть пути он проделал, словно неуклюжая белка. Очутившись на земле за забором дома Марии, он отряхнулся и в последний раз взглянул на центральное мансардное окно. Она улыбалась ему. Лэнсон помахал ей рукой, а она шутливо покачала руками свои прелестные груди, подмигивая парню. Он зашагал прочь не в силах подавить довольную улыбку. Он бы с величайшим удовольствием вернулся сюда вечером, но здоровый

смысл подсказывал ему, что это произойдет, только если дворцовый двор со всеми строениями и обитателями обрушится сегодня в пропасть раз и навсегда.

Прибыв домой, он застал там кромешный хаос. Прислуга судорожно начищала до блеска каждый квадратный дюйм особняка выстроенного отцом. Сегодня здесь должны были остановиться на ночь какие-то distinguished гости из соседних королевств. Мать ждала его в глубине холла у камина, обвитого с двух сторон ступенями лестницы, подбоченившись и сощурив глаза. На ней было атласное платье темных тонов с зауженным на достойной для ее возраста талии лифом. Плечи покрывала ажурная черная накидка.

– Сегодня такой день, а ты даже не удосужился привести себя в порядок! – нарочно громко, так, чтобы слышали все слуги, прогремела Сильвия.

Лэнсон сдержал прилив раздражения и молча проследовал по лестнице вверх, пройдя мимо кипящей от гнева матери и намереваясь попасть в свою комнату.

– Опять развлекался со своей недоделанной шлюхой? – услышал он, когда поднимался по ступеням.

Лэнсон приостановился и чуть было не вступил в словесную схватку с матерью, но в последний момент одернул себя и просто последовал дальше.

– Даже не потрудились привести тебя в надлежащий вид! Подстилка на ночь! – донеслось ему вдогонку снизу.

Войдя в свою комнату, он обнаружил сразу двух женщин, тщательно вычищавших его постель. Все было прибрано на каком-то остервенело-соревновательном уровне. Такой свою комнату Лэнсон не видел со времен отцовской строгости. Прогнать изнуренных суетой и гнетом Сильвии женщин у него не повернулся язык, потому он, не проронив ни звука, развернулся и покинул свою комнату. Сегодня он чувствовал себя здесь чужим, как никогда.

В одной из уже убранных гостевых комнат он нашел в шкафу чистый, аккуратно сложенный рядом с женским мужской костюм. Сильвия наряду с диктаторскими качествами имела еще и ряд положительных черт характера. В частности, что касалось гостеприимства, у нее всегда было все на высшем уровне. Но здесь, наверное, преобладало рвение выделиться на фоне остальных знатных особ Виндора, чем желание со всей душой разделить с гостями их настроение и нравы.

Облачившись в классический костюм, больше подходящий для людей куда более зрелого возраста, Лэнсон прилег на кожаный диван цвета лесного ореха. С улицы доносились отрывистые завывания трубачей. Они означали, что все жители должны были начинать заполнять улицы Виндора. Мать отыскала сына в его нехитром убежище.

– Тебе не идет серый цвет, – разглядывая его развалившегося на диване, заметила Сильвия.

– А с чего ты взяла, что тому, кто должен был остановиться в этой комнате этот цвет подошел бы?

– Серый – универсальный цвет, но в твоём возрасте и с твоей фигурой тебе стоило бы надеть что-то более выразительное. Хотя, учитывая, куда мы направляемся, так, наверное, будет и лучше.

– Сколько все это продлится? – недовольно поинтересовался Лэнсон.

– Сколько продлится? Что тут сказать. Когда на твоём веку в последний раз хоронили короля?

Ответом ей было молчание сына и его взгляд в пустоту.

– Вот и мне еще не доводилось присутствовать на подобном мероприятии. Одно могу сказать наверняка: мы с тобой должны присутствовать до самого конца, как бы то ни было.

На самом деле юноше это было ясно и без ее слов. Но разыгрывать из себя расстроенного до глубины души племянника при многочисленной дворцовой публике абсолютно не хотелось.

А поскольку делать это придется в любом случае, то главным при подобном раскладе могло оставаться лишь желание как можно меньше времени ломать эту комедию.

– Нам пора выдвигаться, – скомандовала Сильвия в своей повелительной манере. – Постарайся выглядеть достойно на фоне остальных наследников.

Лэнсон недовольно покосился на мать; ее было не переделать.

Тем не менее, он все же старался отыгрывать полагающуюся скорбь на протяжении всей затянувшейся процедуры. При жизни Дариус Дэрольф любил с пафосом прокатиться по городу, так, чтобы все знали о его передвижении. Когда он возвращался из длительных путешествий, всегда посылал вперед гонцов, которые трубили о прибытии короля и вытаскивали честной народ на улицы, чтобы все могли запечатлеть и возликовать по поводу прибытия правителя в столицу. И надо было отметить, что в Виндоре очень многие искренне любили Дариуса, поскольку жили в мире и достатке, в отличие от жителей множества остальных поселений сурового горного края. На протяжении всех времен столица Монтина жила своей обособленной практически беззаботной жизнью, в то время как окрестные селения пахали для ее блага, а отдаленные пытались выживать без ее явно выраженной поддержки.

Гроб с покойным королем, водруженный на открытую повозку, провозили зигзагом, стараясь охватить каждую из главных широких улиц города. Мощные жеребцы тянули огромную повозку со скоростью человеческого шага, поскольку следом за ней шла делегация родственников и приближенных покойного правителя. Все дороги города были осыпаны лепестками цветов. Их насыщенный аромат не слишком гармонировал с гнетущей атмосферой траурного дня.

Когда все улицы от главных ворот и до самого дворца были пройдены, гроб с Дэролфом проследовал в храм Незримого, расположенный неподалеку от дворцового комплекса. Такого наплыва прихожан, как сегодня в храме не наблюдалось со времен эпохи Рубежных Турниров. Когда по королю отслужили панихиду, его повезли на захоронение. Местом для его покоя была выбрана северная часть города, где у городской стены в рекордный двухдневный срок была возведена полая башня, на вершине которой располагался небольшой, но искусно выполненный склеп. Чтобы соорудить всю эту конструкцию, было задействовано несколько сотен строителей, сработавших на редкость слаженно и профессионально.

Гроб поднимали наверх с помощью лебедок вдоль остова башни. Внутри шла винтовая лестница с прямыми углами, по которой возможно было подняться максимум с корзиной или небольшим сундуком. По смыслу в этом возведении Дариус должен был упокоиться прямо под небом, под которым всю свою сознательную жизнь пытался вывести скалистое королевство на уровень всех остальных, невзирая на все невзгоды и тяжбы, подбрасываемые местным климатом и ландшафтом.

Когда гроб был внесен и закреплен в воздушном склепе, и все возможные почести были оказаны, родственники и члены придворных семей отправились в самый огромный трапезный зал дворца, чтобы помянуть короля за уставленными довольно скромными блюдами столами. Здесь то и развернулись основные события этого скорбного дня.

Оглашая давно всем известное содержание завещания, верховный советник покойного короля подчеркнул, что до коронации приемника, которым должен был стать старший из ныне живых кровных родственников бывших правителей, должно пройти две недели. В течение этого времени правление должно производиться группой главных советников, которые перейдут впоследствии в полное подчинение нового правителя.

По смыслу оглашенного завещания получалось, что первой претенденткой на трон являлась младшая сестра Дариуса – Алика Дэрольф, которая, даже выйдя замуж за именитого управителя королевскими кузнями, оставила себе девичью фамилию. Однако среди присутствующих на траурной церемонии и поминальном обеде ее не было. Ее муж, а так же сын и дочь сидели за отдельным столом с взволнованными и озадаченными лицами. По всей видимости,

они не имели ни малейшего понятия, куда подевалась Алика, и что могло такого случиться, чтобы она пропустила прощальную церемонию.

А как раз в том случае, если с ней приключилось что-либо недоброе, картина пустующего трона автоматически заполнялась иным персонажем, а именно старшим братом давно отдавшей Незримому душу супруги Дариуса. Этим человеком являлся некий Мэстон Рэлс. Он всю жизнь пробыл стражем границы, дослужившись на этом посту до командира смены. Это был мужчина в солидном возрасте. Невысок ростом, но широк в плечах, с квадратным лицом, короткими седыми волосами и такой же бородой. Ему, конечно, были чужды премудрости правления королевством, однако весь его вид выражал то, что если судьба вдруг подбросит ему корону Монтина, отказываться от нее Мэстон не будет ни в коем случае.

Зал оплела достаточно напряженная атмосфера. Отсутствие Алики Дэрольф ставило под сомнение мирное настроение наследников. Очень многие понимали, что если Алику накануне намеренно устранили, то это было не чем иным, как открытым началом чьей-то битвы за корону. Разумеется, личность, решившая завладеть тронном, никоим образом не выдаст себя. Но если вдруг поползет череда смертей цепочки кровных наследников, и совершенно неожиданно к назначенному сроку коронации остановится на ком-то конкретном, не придется ломать головы и нанимать вещунов, чтобы понять, чьими руками была устроена резня. Это понимал даже Лэнсон.

Он попытался заглянуть в возможное мрачное будущее. После Мэстона Рэлса в списке наследников по крови и возрасту шла его сестра – Ирла Рэлс. Это была младшая сестра давно покойной королевы. Весьма странная женщина, мужа у которой не было, но, тем не менее, была дочь, которую она воспитывала в одиночку и никогда не отпускала от себя ни на шаг. Ее дочь – Бэтси Рэлс – значилась следующей в цепочке претендентов. Она была старшей из всех детей остальных кровных наследников. Бэтси славилась при дворе еще большей чудачкой, чем ее мать. Таковую жену или даже подругу можно было приставлять к кому-либо в наказание за грехи. И, как рассудили бы многие, лучше было бы вынести годы заточений в темнице, чем хотя бы ночь близости с Бэтси Рэлс.

Следующими по списку шли дети отсутствующей Алики Дэрольф. Старшему сыну по имени Том было двадцать пять, а младшей дочери Даре – двадцать три. Они оба прослыли изнеженными детишками богатеньких родителей. Помимо того, что их отец был управителем королевских кузней, сама Алика имела в собственности несколько ювелирных лавок. Соответственно, в материальных средствах ограничений у их детей практически не было. В результате Дара выросла, хотя и очень красивой, но наивной и неприемлемо надменной девицей, замеченной в распутных связях исключительно с пожилыми состоятельными мужчинами. Том тоже ушел не далеко. Про него ходила молва, что он увлекся каким-то зельем, внедренным в королевство бандой Кочевников, и превратился из образованного человека, имеющего перспективы стать придворным советником, в безвольного и безразличного ко всему простака.

После детей Алики шел сам Лэнсон. Через две с половиной недели ему должно было исполниться восемнадцать, близилось совершеннолетие. Младше него был только Кастор Рэлс – сын Мастона Рэлса. Кастору восемнадцать должно было исполниться лишь через полгода. И если он не намеревался сесть на трон, рубя головы направо и налево, то Лэнсону опасаться было, наверное, нечего. Хотя юный Рэлс в своем возрасте уже полтора года, как обучался и проживал на территории военной академии Виндора. Он мечтал стать великим воином и, в отличие от Лэнсона, шел к своей цели, пренебрегая всеми радостями юности. Он, конечно, мог проявить свои бойцовые качества и, возможно даже в чем-то преуспел бы. Но, насколько знал его Лэнсон, Кастор не интересовался правлением, он был в чем-то похож на него самого. Только беспечности в Касторе было минимум, а мужества и упорства, на зависть юного Дэрольфа, в стократ больше.

Однако все эти прогнозы пока могли быть лишь домыслами закоренелого параноика, к коим Лэнсон себя никогда не причислял. Все претенденты, кроме Алики Дэрольф находились ныне в трапезном зале в добром, либо посредственном здравии души и тела. О чем размышляли все эти люди, Лэнсон не хотел, ни думать, ни знать. Он хотел только чтобы все это поскорее закончилось.

Когда же все-таки этот длинный день подошел к концу, и люди разбрелись по домам, оставив дворцовым слугам очередной ворох уборочных хлопот, Лэнсон тоже отправился восвояси. Его последний долг перед двоюродным дедом был выполнен сполна, во всяком случае, сам молодой Дэрольф считал именно так. В городе все еще витал аромат цветов, лепестки которых будут подметать с улиц теперь всю ночь, чтобы к утру ничего не напоминало о сегодняшнем траурном шествии. Где-то еще попадались перебравшие вина жители, причитавшие заплетающимися языками о смене эпохи, канувших счастливых временах и всем подобном.

Не раздавались характерные звуки из мастерских, в которых обычно практичные ремесленники трудились днем и ночью. Все торговцы позакрывали свои лавки еще во время поминального обеда во дворце. Не было слышно песен и стука кружек из окон и дверей трактиров, не толпились воркующие молодые парочки в уютных сквериках возле бань, не сидели на лавочках у домов вечно обсуждающие молодежь старушки, не гонялась ребятня, которую тщетно пытались загнать домой строгие мамочки. Город молчал и скорбел. Под занавес общей унылой картины помрачневшее ночное небо решило пролить слезы по ушедшему из мира живых королю.

Промокший до нитки Лэнсон добрался до дома. Уже очутившись во дворе, он увидел свет, горящий в каждом из окон. В некоторых мелькали тени силуэтов за шторами и гардинами, которыми так гордилась мать. Лэнсон был разочарован собой. Он должен был помнить о том, что в доме ночью будут посторонние люди. Моментально осознав, что там внутри он будет обречен на вконец опостылевшую за сегодня вежливость и учтивость по отношению к мало знакомым и неинтересным людям, юный Дэрольф остановился в преддверии заполненного людьми особняка. Мать обязательно начнет таскать его от гостя к гостю и, наравне с рассказами о его, в общем-то, немногочисленных заслугах будет выдавать каждому всякие курьезные и неловкие случаи или факты, о которых сам Лэнсон предпочел бы не рассказывать.

Не прошло и минуты, как он развернулся и отправился обратно в дождливую ночь, подальше от этого скопления лицемеров и лизоблюдов. Он знал, что мать будет ждать его до последнего и, не дождавшись, негодовать в свойственной ей жгучей манере, но в данную секунду он твердо решил для себя, что увидит он это не сегодня. Лэнсон точно знал, где ему будут рады этой ночью, и где свет в окошке горит специально для него. Мария, как он и надеялся, ждала его, как обещала. Она без лишних слов стащила с него промокшую насквозь одежду и развесила у каминной трубы, после чего заманила его на их ложе, чтобы согреть теплом своего тела.

По окончанию жадного акта соития они оба раскинулись на мягких скомканных покрывалах в раскованных позах, и некоторое время разглядывали сводчатый потолок в тишине. Наконец Мария прижалась к нему и нарушила их блаженное молчание:

– Как все прошло?

Лэнсон поморщился и пожал плечами.

– Понятно, – улыбнулась девушка. – Маменька говорит, что теперь все будет по-другому. Юноша ухмыльнулся и запустил руку в ее волосы.

– А что именно будет по-другому, твоя маменька не говорит?

– Ну, ты же ее знаешь! Ей лишь бы посудачить. А тут еще и такое говорят!

– Какое – такое? – не понял Лэнсон.

– Ну, про Алику Дэрольф, ты что, не слышал?

– Нет, – брови парня съехались к переносице. – Что говорят?

– Ну, как же, – Мария удивленно посмотрела на своего любовника, – маменька все слышала, как есть. И незадолго до твоего прихода рассказала мне, что все только об этом сейчас и говорят!

– О чем? – отстраняясь от девушки, нервно просипел Лэнсон.

– О том, что ее нашли мертвой в сточном рве ее собственного дома!

Глава 3

Векториус с криком проснулся и резко сел на кровати. Пот лил с него градом, постельное белье было насквозь мокрым. Что-то во сне ужаснуло его до глубины подсознания, но что именно, он никак не мог вспомнить. Рена прильнула к нему и принялась нашептывать какие-то милые глупости, чтобы успокоить. Правитель Южных Клочков ни как не мог унять мелкую дрожь в напряженном теле. Девушка же через некоторое время убаюкала его нервное возбуждение, и Дарн пришел в себя.

На ее вопросы по поводу приснившегося кошмара он не смог дать какого-либо вразумительного ответа. Рена, как обычно, несколькими милыми и незатейливыми фразами увела беседу в сторону от неприятных ощущений, так и засевших внутри Векториуса. Они пробыли в постели недолго, пора было подниматься и приниматься за дела. День обещал выдаться долгим и тяжелым. Сегодня предстояло провести несколько раз откладываемый прием просителей, съехавшихся со всей округи.

Утреннюю трапезу омрачал льющий за окном настырный дождь. Но Векториуса преследовало навязчивое тревожное чувство, что далеко не разбушевавшийся на улице ливень был причиной его внутреннего дискомфорта. Что-то в принципе шло не так. Какое-то едва заметное давление исходило, из всей окружающей Дарна атмосферы.

– Любимый, что-то ты совсем рассеян, – нахмурила брови Рена. – Вот, выпей.

Она подвинула ему фужер с рубиновым зельем. Обычно Векториус не отказывался от любимого напитка, но сейчас ему совсем не хотелось вермута. Поняв это по его равнодушному выражению лица, девушка накрыла его руку своей ладонью и, чуть склонив голову набок сказала:

– Сделай хотя бы пару глотков. Может, любимый вкус вернет твоему лицу улыбку, а состоянию – тепло.

– И то, и другое можешь сделать со мной только ты, – но та улыбка, которую он натянул во время ответа, содержала больше грустной задумчивости.

Тем не менее, Дарн отпил немного из фужера и принялся вглядываться в ажурную жидкость цвета заката.

Что же было не так? Какое невидимое обстоятельство заставляло его мышцы находиться в напряжении? На чем нужно было сосредоточить внимание, чтобы понять, что на самом деле происходит? Что так неумолимо гнетет его?

И вдруг его уныло обводящий комнату взгляд сфокусировался на мольберте. Холст, закрепленный на нем, был чист.

– Так, – поднимаясь из-за стола, протянул Векториус. – Как же это...

Он направился через покои к месту, где находилась его творческая атрибутика. Приблизившись к мольберту, он смотрел на пустоту холста недоумевающим взглядом.

– Не могу понять, здесь должно было что-то быть... – обратился он к Рене.

Но когда повернул голову к столу, не обнаружил за ним девушку. Она только что была здесь, и вдруг ее не стало. Дарн буквально раскрыл рот в немом удивлении. Он не слышал, ни звука ее шагов, ни стука двери. Куда она могла деться?

– Рена? – его голос разрезал тишину.

Тишина эта показалась ему какой-то слишком пустой, даже отчасти пугающей. Краски окружения будто поблекли, испустили дух под его пытливым мечущимся взглядом.

– Рена! – настойчиво и более громко произнес Дарн.

Эхо его голоса резануло стеклом по ненастоящей, нагнетающей жути тишине. Он в очередной раз нервно и бегло обшарил взглядом комнату и задержал его на холсте. Теперь он разглядел их – крохотные точки, оставленные на пустоте полотна самым кончиком щетины

кисти. Часть их была рассредоточена в нижней части холста, а часть – в верхней. Как показалось сначала, их расположение не имело какой либо упорядоченности. Но стоило взглянуть внимательнее, и начала просматриваться некая последовательность разброса точек.

Рука инстинктивно потянулась к кисти, обмакнула шетину в краску и принялась за дело. Выводимые Векториусом линии соединяли точки одну за одной. В результате в нижней части холста получился изломанный замкнутый горизонтальный эллипс. В верхней части полотна кисть создала два небольших замкнутых контура, похожих по форме на лежащие на боку лимоны.

Отступив на пару шагов назад, Дарн не сразу понял, что за изображение у него получилось. Но через мгновение обжигающий сознание ужас пронизал его тело. Два лимонобразных объекта, ставшие глазами, сузились, а кривой эллипс внизу картины зашевелился, оказавшись мерзкой пастью:

– ПОКАЖИ! – прогремел в голове Векториуса громоподобный голос.

Дарн невольно отодвигался от картины, пятясь назад.

– ПОКАЖИ НАМ! – вновь зазвучал раскат в голове, а нарисованные очертания пасти на холсте шевелились согласно произносимым словам.

Дарн, отступая, наткнулся на стул, ноги его заплелись, и он повалился на пол. Глаз от говорящей картины он оторвать не мог.

– ПОКАЖИ НАМ!

Векториус отползал от картины по полу.

– Кто это? Что показать? – дрогнувшим голосом спросил он.

Но пояснений не последовало. То, что начало происходить, вновь заставило замереть трепещущего правителя южных островов. Полотно начало выпячиваться, словно его кто-то прогибал с задней стороны мольберта. Белая субстанция формировалась в нечто червеобразное, выбирающееся из потустороннего пространства. Глаза и рот, изображенные Дарном, вели себя теперь, как естественные органы порожденного из ничего существа.

За продолговатой змеевидной частью толщиной как раз с величину полотна в реальность ввалились первые две конечности. Они были узловатыми, словно с несколькими коленными суставами, расположенными близко друг к другу. Далее вновь тянулось туловище, части которого, выбираясь из холста, разбухали, словно расслабившееся брюхо толстяка. Еще несколько конечностей, Векториус не считал, сколько именно, выбрались в его мир, в его покои, где он, лежа на полу, был не в силах противостоять собственному сознанию, охваченному сковывающим ужасом.

Уродливое существо цвета меловой кучи целиком очутилось в комнате, после чего дрожащий мольберт опрокинулся на пол. Десяток пружинящих конечностей отходящих от продолговатого туловища делал существо отдаленно похожим на сороконожку.

Отвратительное создание двинулось к Векториусу через комнату. Мужчина начал отползать, дергаясь, как в бешеном припадке. Он сумел подняться на ноги и броситься к двери. Выскочив из комнаты, он очутился в коридоре. Но это был совсем не тот широкий и светлый коридор, по которому он проходил десятки тысяч раз за время своего проживания во дворце. Этот коридор давил багровым цветом неровных каменистых стен, сочащихся пузырящейся темной слизью. Низкий свод потолка был покрыт мириадами микроскопических бурых сталактитов.

Дверь, из которой Дарн выбежал, заполнилась белой массой преследующего его существа.

– ПОКАЖИ НАМ! – ревела рожденная его кистью пасть.

Векториус бросился бежать. Кто такая эта Элливиана, он не знал. Где он находился, и чьих рук делом была подмена окружения, тоже не имел понятия. Что с ним могло сделать

многоногое существо, было страшно представить. Горькая мысль об исчезновении Рены сверлила и без того пораженный рассудок.

Оглянувшись назад, он увидел, что существо преследует его, перемещаясь с пола на стену, со стены на усеянный бурым налетом потолок, и вновь на стену и пол. Там, где проносилась уродливая фигура, за ней оставались толстые шлейфы бледной пустоты. Нелепо, но быстро перебирающая кривыми конечностями тварь стирала за собой визуальное окружение, словно влажная тряпка толстый слой пыли с полированной поверхности.

Существо настигало, а коридору, уходящему вдаль, не было конца.

– ПОКАЖИ ЕЕ НАМ! – гулким шепотом принуждало существо.

Векториус выжимал из себя все силы, но чувствовал, что все равно не оторвется от твари.

– ПОКАЖИ...

Дарн упал на пол, на четвереньки. Глаза непроизвольно зажмурились, и его начало тошнить. Рвало жестоко и довольно долго, как после сильнейшего пищевого отравления. Когда организм выжал все возможное количество жидкости, и последние спазмы прекратились, Векториус открыл застланные от натуги слезами глаза. Перед ним была большая черная лужа, от которой исходил отвратительный гнилостный смрад.

Он медленно осмотрел обстановку перед собой. Это были не его покои, а какая-то незнакомая комната с низким, повисшим футак в десяти от деревянного пола, потолком. В стене, которую он видел перед собой, находилось овальное окно, две рамы пересекали его по диагонали. Сквозь вертикальный овал этого оконного проема в помещение проникал яркий и теплый свет Диска, образуя на плиточном полу оранжевую проекцию с тенью в форме знака Незримого. По обе стороны от окна стояли одинаковые продолговатые шкафы, полки которых были заполнены разноцветными корешками книг.

На нем была пропитавшаяся запахом его пота ночная пижама бежевого цвета. Он одной провел одной рукой по лицу и снова уперся ею в пол. Лицо обросло неопрятной неровной бородой длиной, наверное, в целый дюйм.

– Ваше Величество? – услышал он позади себя мужской голос.

Король, продолжая стоять на четвереньках и отплевываясь, через силу обернулся назад. Над ним чуть склонился и настороженно вглядывался в его глаза очень знакомый человек. Черты его немолодого лица были резкими, но не отталкивающими. Голубые глаза и светлые волнистые волосы, широкие плечи и в целом могучая фигура. Кто же он?..

– Рэндольф? – прохрипел Дарн, не узнав собственного голоса.

– Векториус! – будто не веря в чудо, просяив, воскликнул блондин. – Векториус, то есть, Ваше Величество, вы узнали меня!

– Что... – Дарн снова тяжело прокашлялся и оторвал руки от пола, оставшись сидеть на коленях. – Что происходит, где я?

– Слава Незримому! Помогите королю сесть на кровать! – возбужденно распорядился Рэндольф.

Тут же рядом с правителем возникли двое мужчин, которые, судя по одеждам, являлись лекарями, и, подняв его под руки с пола, заботливо усадили на край кровати, с которой он несколькими мгновениями ранее лихо соскочил на пол.

– Рэндольф, что со мной, где я?

– Вы в центральном храме, в комнате настоятеля. В последний раз мы решили, что находиться здесь вам будет, и полезнее, и удобнее.

– В последний раз? – хрипло переспросил Дарн.

Рэндольф коротко взглянул на лекарей, те молча и понимающе смотрели в ответ.

– Векториус, – вздохнув, начал блондин, – то, что ты хочешь узнать, слушать будет не просто. И, боюсь, в двух словах всего передать не получится.

– Что это значит? – король попытался встать, но тело ему подчинялось плохо, а лекари тут же воспрепятствовали попытке Дарна подняться с кровати. – Что происходит? Где Рена? С ней все в порядке?

– Наверное, да, – неопределенно ответил Рэндольф, с неприязнью рассматривая черную жидкость, извергшуюся из короля.

– Почему – наверное? Как это понимать? Что с ней? – требовательно спросил правитель и закашлялся.

– Думаю, что с этой женщиной все хорошо, – поджав губы, ответил Рэндольф. – Господа, будьте добры, оставьте нас.

Лекари поклонились и поспешили удалиться из комнаты. Рэндольф настоял, чтобы король прилегал, пока он будет давать ему разъяснения по поводу всего происходящего. Дарн не стал сопротивляться и позволил Рэндольфу помочь себе устроиться поудобнее в горизонтальном положении.

В аккуратных движениях блондина чувствовалась уверенность и сила. Рэндольф Милгрей приходился Векториусу племянником и, в общем-то, единственным оставшимся в живых родственником. Помимо этого он был его самым близким другом и доверенным лицом во всех делах, в которых по той или иной причине не мог принять личного участия король. Ныне его племянник выглядел старше своего дяди, поскольку полученный когда-то Векториусом перстень с кристалликом, заряженным магической энергией от древнего артефакта, замедлял его старение. Вспомнив о перстне, Дарн обнаружил, что его нет на пальце, где он должен был быть.

– Векториус, – усевшись рядом на его кровати, заговорил племянник. – Во-первых, надо сказать, что я безумно рад, что ты выкарабкался из того, что с тобой творилось в последнее время.

Он накрыл ослабленную руку правителя своей и кивнул, глядя в его замутненные скверным самочувствием глаза.

– Все началось с того, что ты отдал приказ... Хотя, нет. Все началось с того, что ты притащил с собой с Центрального Континента сюда эту женщину.

Король напрягся, хотел что-то сказать, но передумал и молча продолжил слушать.

– Я думаю, то время ты должен помнить. По твоему виду можно было легко понять, что ты счастлив и готов пожертвовать чем угодно во имя своей женщины.

Дарн вздохнул, окунувшись в глубокий омут воспоминаний, в которых он вез Рену в свою цитадель с трепетом в сердце, делился с ней самыми сокровенными мыслями, сливался в пылких актах любви. Но Рэндольф еще тогда относился к ней с подозрением, а сейчас разговаривал так, что Векториус невольно ежился от предвкушения какой-то неотвратимой неприятной правды.

– И, вроде, все у вас с виду было хорошо. Ты даже начал доверять ей некоторые дела, позволял в мелких вопросах действовать от твоего имени. И вот, в один дождливый день, возможно, ты помнишь его, должен был состояться прием просителей, съехавшихся со всей округи. Ты еще откладывал его перед этим пару раз, припоминаешь?

Векториус болезненно кивнул, память подбрасывала цепь событий того дня рваными кусками.

– Так вот, прямо во время приема ты почувствовал себя плохо и потерял сознание. Тебя унесли в твои покои, подумали, что сильное отравление. В тот день твоя ненаглядная всем растрепала, что ты жаловался на боли в желудке, похлопотала даже, чтобы на кухне сменили, якобы, бездарных поваров. С того самого момента ты и превратился в приросший к кровати овощ. Рена вилась вокруг тебя днями и ночами. Она не препятствовала попыткам вылечить тебя, выглядела весьма озабоченной твоим состоянием, пыталась во всем чем-то помогать. Но меня не покидало ощущение, что в этом всем крылась какая-то фальшь. Объяснить это было невозможно, но избавиться от тревожного предчувствия я ни как не мог. Я приставлял

к тебе лучших придворных лекарей, да и не только придворных, но все они лишь разводили руками. Все версии сводились к тому, что против тебя было применено какое-то колдовство. С колдунами да магами, сам знаешь, как у нас на островах обстоят дела. А про то, что твоя эта Рена обладает магическими силами, ты ни разу не упомянул. Или ты и сам не знал?

– Знал, – проводя рукой по заросшему каштановой бородой лицу, признал Векториус. – С этой девушкой связана долгая и невероятная история, как-нибудь я расскажу ее тебе.

– Расскажешь, – покивал Рэндольф. – А пока я расскажу дальше, а ты послушай. Когда в итоге в одном из поселений на северо-восточном берегу основного острова нашелся-таки человек, разбирающийся и наделенный колдовским даром, я незамедлительно выслал за ним эскорт. Но до столицы все они так и не добрались. На самых подступах к городу наши патрули обнаружили их тела, растерзанные, будто большим и страшным зверем. В очередной раз мне закрались в голову подозрения. Я вспомнил, что ты пару раз упоминал о некоем существе по имени Рон, которое твоя возлюбленная считала кем-то вроде домашнего питомца. Это создание ни кто никогда не встречал, но иногда приносились слухи, что с некоторых окрестных животноводческих ферм пропадала скотина, а ты в ответ на эту информацию все отмахивался, да закрывал глаза. Помнишь?

Векториус помнил. Рена с ангельскими глазками молила его не обращать на это внимания, якобы, чтобы Рон, являвшийся ее рабом на каком-то невысказанном неразрывном никакими силами уровне, оставался вне их взаимоотношений и не мешал их счастью. Она уверяла, что это существо не способно намеренно причинять вред людям без крайних на то причин.

– Но высказать что-либо Рене и уж тем более обвинять, основываясь на слухах, да домыслах, я, разумеется, не мог.

Рэндольф встал с кровати, заметив, что ограничивает позу пытающегося повернуться Векториуса. Он пересел на стоящий у изголовья ложа невысокий табурет.

– Спустя две недели, как ты оказался в состоянии комы, мне пришлось отлучиться в один из городов, в Артенд, по праву твоего заместителя. Там назревало восстание, возмущенный бездействием местного управителя и его свиты народ вышел на улицы города, и дело пошло штурмом их резиденции и самосудом. На то, чтобы утихомирить толпу горожан, разобраться в сути проблемы и переназначить управителя у меня ушло несколько дней, дорога заняла четверо суток. Итого недели полторы я отсутствовал здесь.

– Сколько же я находился в этом состоянии всего? – перебил король.

– Почти два с половиной месяца.

Векториус покачал головой, виновато прикрыв полные горечи глаза. После небольшой смысловой паузы племянник Дарна продолжил:

– Так вот, когда я вернулся в столицу, я был просто ошеломлен новостями, поджидавшими меня здесь. Оказалось, что на следующий день после моего отъезда, ты пришел в себя и, вроде как, принялся за дела. При этом ты почти не выходил из своих покоев и передавал распоряжения в основном через свою драгоценную даму сердца. На следующий день после, так называемого пробуждения, ты собрал в своей комнате несколько советников, главного казначея и верховного генерала нашей армии. Им ты объявил, что почтовая птица одного из твоих шпионов в Креоле принесла весть о том, что королевство янтарных озер претендует на наши земли, и Сиддэн Ордан намерен силой захватить их в самое ближайшее время. В связи с этим ты уверял их, что необходимо нанести упреждающий удар, чтобы не допустить кровопролития на нашей территории. Каждый из присутствовавших в тот день на этом странном совете рассказывал потом, что ты был, будто не в себе. Глаза были пустыми, голос – безучастным, движения – малочисленными и неестественными. Рена находилась все время рядом с тобой, поглаживая твою руку, как будто пыталась успокоить. Когда собранные тобой люди попытались узнать подробности и обсудить поспешность такого судьбоносного решения, ты обрубил

их слова утверждениями о том, что королевские приказы не обсуждаются, а беспрекословно выполняются.

Видя, как глаза правителя расширяются все больше и больше, Рэндольф сделал паузу и предложил Дарну воды. Но Векториус отказался и пожелал услышать продолжение истории о своих собственных деяниях.

– В результате, – вновь заговорил племянник, – согласно твоим указаниям, в рекордные сроки, буквально за считанные дни, были снаряжены десять наших новых боевых парусников и отправлены к берегам Креола. На борту одного из них отправилась на Центральный Континент твоя ненаглядная, а с ней, якобы по твоему распоряжению, следовал огромный детина в темном длинном балахоне и с закрытым повязками лицом. Думаю, не сложно догадаться, кто именно это был.

– Рон, – прохрипел Векториус, представив это существо, которое ему доводилось видеть, когда оно переправлялось с ним и Реной сюда, по ее настойчивым просьбам.

– Вот-вот, – покивал Рэндольф. – Корабли же имели приказ обстрелять с воды ближайший к нам портовый город Креола Коргон. А во время обстрела два отряда наших спецвойск должны были десантироваться на берег с целью захвата береговых охранных постов. Все затеянное предприятие прошло успешно, поставленные цели были выполнены. Одновременно с этим, прикрываемые катапультным огнем и атакой пехотинцев Рена и ее зверь тоже высадились на берег, и больше их ни кто не видел.

– А что же с нашими воинами и кораблями? Как отреагировал Ордан? – взволнованно спросил Дарн, чувствуя, как в горле растет чугунный ком.

– В этом-то вся и беда, – цокнул языком Рэндольф. Векториус только сейчас разглядел, что на висках племянника было больше седых волос, чем родных белых.

– Оба наших отряда имели приказ удерживать захваченные на берегу Коргона объекты до поступления новых приказов от верховного генерала, который, в свою очередь, ждал приказа короля. В этот момент я уже прибыл в столицу, но было слишком поздно. Ты, если и приходил в себя нес несвязный бред, и вид твой становился все хуже и хуже. Оба отряда были уничтожены на позициях, которых они не смели покинуть. Я, конечно же, первым делом послал сразу две птицы в Креол с одинаковыми максимально подробными пояснениями о твоем состоянии и о наших нелепых действиях у их портового города. Но там это, видно, сочли, либо за отвлекающий маневр, либо попросту за бред сумасшедшего. Возможно, птицы и вовсе не добрались до адресатов, но это, сам понимаешь, вряд ли. На наши стоявшие у Коргона корабли Ордан наслал втрое больше своих. Креольцы гнали наши ринувшиеся домой суда, расстреливали всю дорогу, не жалея припасов. Единственный из добравшихся до Южных Островов парусник они разгромили прямо у родных берегов. После этого три десятка кораблей Ордана встали на якоря, растянувшись вдоль наших берегов, и стоят там по сей день. Каждую неделю прибывают новые суда и увеличивают линию оцепления. В переговоры они не вступают, отплыть какому либо из наших судов, даже торговым – не дают, открывают огонь. На послания по птичьей почте Ордан ответил лишь однажды. В его коротком письме говорилось, что пока ты лично не прибудешь к берегам, где стоят его корабли, никаких переговоров не состоится. Что он замышляет – не понятно. Но ясно одно: мы во всей этой истории являемся главными агрессорами и сейчас, если мы не хотим развязать серьезную войну, на мой взгляд, должны делать максимально осторожные ходы.

Векториус лежал, прикрыв глаза и прислонив ко лбу руку.

– Мне все же казалось, что ты должен был восстановить силы, прежде чем во все это вникнуть, – вставая с табурета и поправляя подушку Дарна, проговорил Рэндольф каким-то сочувственным тоном.

– Прости меня, Рэндольф, – взглянув на племянника из под лежащей на лбу руки, пролепетал разбитый король.

Милгрей не ответил. Он лишь поджал губы и печально улыбнулся. Обойдя зловонную черную лужу на полу, Рэндольф окинул ее очередным брезгливым взглядом.

– В тот день твой любимый вермут и женщина сыграли с тобой жестокую шутку, – констатировал он. – Надеюсь, это вся гадость, которая в тебе была. Я пока оставлю тебя, но позову лекарей и уборщиков. Сейчас они будут тебе более полезны, чем я.

– Ты сказал, что это комната настоятеля, а где он сам?

– Ведет службу внизу, в молельном зале. Каждый день по много часов идут массовые службы о твоём выздоровлении. На них присутствуют тысячи прихожан. Думаю, им будет приятно узнать, что Незримый услышал их молитвы и привел тебя в чувства. Лично я, не вижу другого объяснения такому внезапному улучшению.

Рэндольф был уже у двери, когда Векториус озвучил свою последнюю просьбу:

– Попроси, пожалуйста, преподобного, как закончит службу зайти ко мне.

– Само собой, Векториус.

Милгрей вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь, а ослабленный правитель остался наедине со своим скверным самочувствием и не менее скверными мыслями. Воспоминания о Рене, ее улыбке, мелодичном голосе, знойном красивом теле заставляли его сердце сжиматься и колоть. При этом осознание всех последствий ее подлых деяний и своей безрассудной беспечности кипятили его едва прочистившуюся от колдовской отравы кровь. Как же она могла так поступить с ним! Как она могла!

Глава 4

День близился к концу. Диск устало сползал к окраине земли, окрашивая небосвод, покрытый ровными каскадами перистых облаков в цвета недоспевшей вишни. Теснящиеся по обе стороны протоптанной дороги невысокие березки начинали расступаться, открывая ширящееся пространство раскинувшихся впереди заводей. Комариный писк начинал приумножаться, жабы кваканье так же нарастало и набирало темп, заглушая остающиеся позади чирикания воробьев, глухие возгласы удода, затихающие монотонные позывные кукушки и настырные стуки прочных клювов дятлов о древесные стволы.

Впереди окружение сменялось уныло гнущимися в покорных поклонах замшелой земле лиственницами и, местами, хиленькими низкорослыми березами. Густой ковер из болотного белокрыльника расстелился по бугристой, кочковатой местности. Где-то вдалеке тонули в легкой дымке высящиеся отдельными фрагментами скалы. Вечерний прохладный воздух чередовал запахи поросшей зеленью и тиной воды, отсыревшей замшелой древесины и гниющей листвы.

Элливиана остановилась на границе расплзающейся вдалеке во все стороны болотной долины. На ней был надет запыленный простой походный брючный костюм цвета ржаного колоса и едко-коричневая плотная кожаная куртка с капюшоном, накинутым на голову. Через плечо на ремне наискосок висела небольшая прямоугольная сумка с минимумом необходимых припасов.

За правым плечом девушки, превосходя ее почти на три головы, висел спутник, скрытый длинным темным плащом. Его раздутая, будто поросшая пузырями и норовящая вот-вот взорваться голова не была покрыта капюшоном. Рот и нос здоровяка выглядели растянутыми, как будто существо нацепило человеческую маску, которая была ему катастрофически мала. Глаза, впалые и посаженные далеко от носа, имели человеческий вид, но выражали совершенно бесчеловечный взгляд.

Девушка передала спутнику зажженный факел.

– Ступай вперед, Рон, – велела она. – И скинь плащ, где-то придется преодолевать трясину по воздуху.

– Да, милая госпожа, – тихо прохрипел он в ответ.

Рон послушно исполнил повеление Элливианы. Из под плаща высвободилась массивная фигура, общими чертами сходная с человеческой, но лишь отчасти. Покрытая полудюймовой жесткой черной щетиной фигура имела мускулистые руки и длинные ноги, коленные суставы на которых имели свойство прогибаться при ходьбе назад. Из одежды на страшном создании были только короткие черные льняные штаны. За спиной существа расправились и пару раз, словно размявшись, хлопнули темные перепончатые крылья, после чего сложились обратно. Девушка свернула его плащ в аккуратный рулон, обвязала шнуром и забросила за плечо, как рюкзак.

Зверь направился вперед к затянутым рясой и украшенным кувшинками неровным бассейнам воды, между которыми предстояло отыскать тропы, по которым смогла бы перемещаться госпожа. Конечно, он мог бы понести ее на крыльях, но они выдерживали недолго даже его собственный немалый вес, а с ней он пробудет в воздухе и вовсе самый минимум времени. А потом его крылья будут ныть глухой болью от переутомления и в решающий момент, когда это действительно понадобится, не смогут сделать ни взмаха. Все это уже было неоднократно пройдено.

Девушка направилась следом за Роном. Он неспешно ступал на участки поросшие осокой и белокрыльником между явно видимыми границами болотной жижи. Сумерки сгущались, и свет факела начинал играть все более важную роль, словно расхрабренный среди

безобидных крестьян вооруженный грабитель. Однако огонь осветлял довольно небольшую сферу вокруг путников, оживляя по бокам тени искривленных деревьев. Элливиана то и дело принимала дрожащие на поверхности болота тени за каких-то ползучих существ, норвящих подкрасться к ним из темноты.

Насколько могла быть оправдана такая спешка, с уверенностью она сказать бы не смогла. Тем не менее, точно знала, что чем раньше она провернет все задуманное, тем меньше времени останется у ее цели для реабилитации. Ее нынешнее обличье запросто собьет с толку кого угодно, никто не знает, и не будет знать до нужного момента, кто она на самом деле. Ее бывший воздыхатель был настолько одержим любовью к ней, что проделал невозможное и вызволил ее душу из Плавающей Ямы. Это стоило ему немалых трудов омерзительного характера и заняло огромное количество времени. Но он был терпелив и даже пожертвовал ради того, чтобы вытащить ее душу из нескончаемого загробного кошмара своим магическим даром. А так же он нашел для ее души определенное подходящее для ритуала тело и провел его вопреки всем противоречащим на тот момент обстоятельствам.

Правда, ответных чувств к нему в Элливиане к тому моменту уже не осталось, а вот ненависти и жажды некоего возмездия накопилось сполна. Но, надо отметить, что нынешним своим телом она была довольна от и до. Раньше, в своей прошлой, давно минувшей жизни она была хрупкой белокожей блондинкой, не знавшей ни в чем нужды и не привыкшей, в связи с этим, к трудностям. Теперь же ее дух заполнял знойную, не менее стройную и изящную, гибкую и притягательную, жгучую черноволосую девушку лет двадцати пяти или около того. Она неоднократно разглядывала свое обнаженное тело в зеркалах комнат престижных рыцарских ночлежек и без зазрения совести наслаждалась его аппетитными, миниатюрными, но, в то же время, пропорциональными упругими формами.

Вместе с телом Элливиане досталась и вся информация, хранившаяся на тот момент в голове девушки по имени Рена. Оказалось, что давным-давно, еще в эпоху Рубежных Турниров, с этой особой произошел довольно курьезный случай. Будучи колдуньей, Рена пыталась экспериментировать с заклинаниями по омоложению и сильно переборщила. В возрасте сорока одного года она превратилась в десятилетнюю девочку, сохранив при этом мышление, знания и память зрелой женщины, прожившей насыщенную радостями и трагедиями жизнь.

Так ей пришлось прожить жизнь заново, при этом уже зная, что хорошо, а что плохо, как вести себя в том или ином обществе или ситуации. По невероятной случайности зверь Элливианы, Рон, оставшись без хозяйки в те далекие дни, повстречался с Реной в лесу, и получилось так, что прикипел сходными чувствами к ней и стал ее добровольным рабом, верным спутником жизни, не требующим ничего, а просто нуждающийся в хозяйке. Теперь, по воле еще одного невероятного совпадения, он был вновь рядом с истинной госпожой, обличенной в прекрасное тело прежней.

Элливиана очень часто ощущала сущность Рены где-то глубоко внутри, за неизведанными границами подсознания. Она чувствовала, что та пытается сохранить свой образ в живых и как-нибудь вернуться в оболочку на правах законной владелицы. Но дело было сделано, все точки расставлены, ничего было уже не изменить. Все знания и опыт Рены теперь перешли Элливиане. Но самым грандиозным и неожиданным для нее приобретением оказался магический дар и способности, которые она уже научилась частично использовать в своих целях. Это было просто потрясающе!

Навыки зельеварения и способность колдовать позволили ей отравить и сделать своей бездумной марионеткой правителя королевства Южных Клочков. Из памяти Рены Элливиана знала, что однажды Векториусу Дарну довелось повстречаться с колдуньей, когда та еще была в образе маленькой девочки. Они даже пережили вместе опасное приключение и чудом остались живы. Это обстоятельство позволило Элливиане, уже будучи в оболочке взрослой Рены, сыграть на чувствах Векториуса, когда они внезапно повстречались в одном из городов

песчаного королевства. И, разумеется, такой сентиментальный и романтичный человек, как Дарн, не устоял перед очарованием повзрослевшей старой знакомой, превратившейся в знойную красотку.

Все остальное было делом техники. Он сам загонял себя в ослепляющий кокон всепоглощающей влюбленности. Ей оставалось только подыгрывать и вовремя давать ему то, от чего он и вовсе терял рассудок – свое тело. И вот, все, что было возможно, из этого союза она вычерпала. Оставив правителя южных островов наедине с кошмарными видениями и прихватив необходимое количество средств и припасов, плутовка вернулась на Центральный континент, чтобы сплести собственный узор на полотне его истории.

В придачу ко всему прочему ей достался перстень с кристалликом, заряженным от ставшего частью архаичных легенд артефакта магической энергией, которая останавливала возраст носителя на месте. В прошлой жизни у нее имелся подобный предмет, и Элливиана за счет него еще тогда прожила множество бурных лет в образе, неизменно хранившем ее красоту и здоровье. Теперь же, когда подобную вещицу уже почти невозможно было достать, девушке посчастливилось беспрепятственно завладеть ею. Сейчас у нее было все: красота и молодость, многолетний опыт из чужой и собственной памяти плюс магические способности, отличная маскировка и готовая стратегическая цепочка возможных действий. Оставалось не медлить.

Элливиана шла вслед за Роном, мерно ступающим по внушавшим доверие кочкам и островкам. Зверь был внимателен. Он пристально вглядывался в сумерки, все плотнее обволакивающие ареал подсвеченный факелом, постоянно прислушивался к окружающим звукам, принимался, ища признаки враждебных намерений. Но никаких агрессивно настроенных объектов поблизости не обнаруживалось. Все было подозрительно спокойно и безмятежно, хотя согласно окрестным слухам, которых они почерпнули в последних попавшихся на пути тавернах, на этих болотах можно было запросто стать добычей гигантских змей, рогатых жаб, хищных растений и прочей нечисти, среди которой вполне могли попасться невиданные ни кем ранее порождения заболоченной лесной глуши.

К рассвету они без происшествий добрались до густых зарослей багульника, растянувшихся на пару десятков ярдов вширь. По бокам от простилавшегося вдаль широкого коридора из кустарника с сомнительной репутацией распластались опасные трясины, из которых доносились нескончаемое издевательское жабье кваканье. На приличном расстоянии друг от друга над багульником высились небольшие сосенки, расставленные неравномерно, будто нетрезвым художником этой мрачной замутненной легким туманом картины. Где-то далеко на краю этого ошестинившегося лабиринта численность сосен увеличивалась, и горизонтом становился рослый сосновый бор.

– Дальше идти буде сложнее, – обратилась девушка к зверю. – Тот, кто описывал мне этот маршрут, предупреждал, что на этом участке многие потеряли себя.

Рон прорычал нечто неразборчивое, но она поняла, что его такое предостережение впечатлить не могло.

– По словам того человека, – продолжала Элливиана, – здесь помимо вредных паров багульника иной раз появляются какие-то органические споры, затуманивающие голову пагубными кошмарами.

Воспоминание о скупом на подробности рассказе Контроса про эти топи приносилось невнятным эхом из глубин сознания, связанных с первой жизнью.

На сей раз ей показалось, что зверь глухо усмехнулся. Что могло явиться кошмаром для ее питомца? Он сам отчасти являлся воплощением чьих то кошмаров (а если уж быть честной с собой, скорее, ее собственных), а его больше звериный склад ума уже не мог вообразить, что бы такое могло его испугать. Разве что угроза его госпоже.

– Я хочу, чтобы ты отнесся к этому серьезно, Рон. Следи за своим самочувствием, смотри за моим поведением. Если будешь уверен, что что-то не так, принимай меры, какие сочтешь уместными.

Она и сама достаточно поверхностно представляла себе то, о чем предостерегала зверя. Его и впрямь могло совершенно не затронуть воздействие этих невероятных частиц. Мало того, их могло и не существовать вовсе. Про подобные места нередко выдумывают тучи небывлиц, дабы приукрасить рассказ о скучном переходе через топи. Тем не менее, Рон всем своим видом отобразил предельную серьезность и внимание. Приказы госпожи не могли вызывать сомнений или опровержений.

Они снова двинулись вперед. Комаров и большинства других насекомых стало ощутимо меньше. Высота кустов в самых пиковых местах не превышала трех футов. Сильно загнутые вниз концами листики имели рыжеватый окрас нижней войлочной поверхности. Местами попадались отдельно стоящие кусты голубики с характерными небесными крапинами ягод.

Путники старались обходить скопления кустов по естественным просветам между ними, но если траектория начинала излишне кривить и увеличиваться, шла в ход сила бугристых рук Рона. Зверь сильными рывками выдирает кусты вместе с комьями влажной земли и прокладывает таким способом более прямой маршрут, чем изначально пытались продиктовать ядовитые заросли.

Уже через полчаса Элливиана ощутила, что мало-помалу голова ее начала болеть. А еще некоторое время спустя начала просто раскалываться от разыгравшейся боли. Девушка невольно начала двигаться медленнее. Концентрация ускользала от нее добрыми порциями, однако девушка крепилась и пыталась не поддаться накиннувшейся хвори до последнего. Порой ее ноги подкашивались, зацепляясь за торчащие корни, либо проваливаясь в маленькие углубления. Элливиана ни как не желала признать очевидного превосходства паров болотного растения над своим организмом и упрямо продолжала плестись за своим мощным спутником.

Рон почти ежеминутно оглядывался на госпожу. Он слышал, что она тяжело дышит, видел испарину на ее лбу, лицо, искаженное молчаливым страданием. Но она не просила помощи, хотя он без труда смог бы нести ее на руках, но в этом случае не смог бы справиться с кустами, и путь увеличился бы в разы. Сам он тоже чувствовал воздействие паров багульника, но в нем они не могли породить ничего, кроме излишнего нервного возбуждения.

Диск не появлялся, не смотря на то, что утро уже было далеко не ранним. Начало дня выдалось пасмурным и туманным. Путники продолжали изнурительное продвижение через стелящийся между непроходимыми трясиными проход, источающий отравляющие пары. Как назло, погода, хоть и корчила из себя скверную, была абсолютно безветренной, что еще более усугубляло ситуацию на территории губительного кустистого пробора. Свежий воздух не прилетал, словно опасался этого скверного места.

Проходя рядом с очередной невысокой сосной, зверь увидел, как из под ее кроны, поблескивая и отливая бирюзовым призрачным сиянием, устало сползали по воздуху диковинные частицы. Он даже остановился, чтобы рассмотреть их, словно запутавшихся в легкой пелене тумана и зависших на полпути к земле вокруг него. Там под нижними ветвями соснового дерева, откуда они осыпались, темнело что-то вроде продолговатого приросшего к стволу кокона.

Зверь понимал, что это, скорее всего и были те самые споры, грозящие напугать и лишиться воли случайно оказавшегося рядом путника. Но на него они, похоже, повлиять не могли, и Рон решил добыть этот кокон для своей госпожи. Ведь она точно сможет придумать, как распорядиться подобной находкой с пользой для себя. Он уже потянул руки к своей цели, как вдруг его окликнул мужской голос:

– Рон!

Он устремил взгляд в сторону оклика.

– Рон Сколл, а тебя что не касается то, что велели всем?

К нему обращался настоятель храма Стеклянного Стиля, воспитанником которого Рон был когда-то в давно стертой из сердца и разума реальности. Он осмотрелся вокруг. Они стояли напротив друг друга у главных ворот храма. Горы со всех сторон обступили обитель мастеров и учеников древнейшего искусства магического боя и праведного бытия. Створки ворот поблескивали тысячами впаянных стеклянных фрагментов. Аллея позади настоятеля, ведущая к комплексам храмовых построек, по бокам была обставлена фигурами на постаментах. Он знал, что они всегда были там, но они должны были быть выполнены целиком из хрусталя. Те статуи, которые сейчас находились на постаментах, являлись растерзанными или израненными людьми, покрытыми поблескивающей оболочкой из стекла. На залитых кровью лицах застыли выражения мук и страданий.

– Тебе что, нужно повторять по два раза, Рон Сколл? – грозно процедил упершийся руками в бока седовласый старец.

Рон не знал, чего от него хотел настоятель, но чувствовал, что это требование было неприятным и даже отвратительным. Он решил, что ни за что больше не будет выполнять никаких команд, не подчинится чьим-либо приказам, кроме своей милой госпожи.

Милая госпожа!

Где же она? Эта мысль обварила его, словно чан с кипятком. Он во что бы то ни стало должен отыскать ее. Вот только, похоже, настоятель не собирался его куда-либо отпускать. Но это не могло стать проблемой. Придется разорвать его на куски. Никто не сможет больше остановить зверя.

Посмотрев на свои руки, Рон обомлел. Это были руки человека. Оглядев себя всего, он понял, что все было человеческое – тело, ноги, голова, которую он ощупал судорожными движениями. Это действительно было так, потому что он не чувствовал больше той нечеловеческой мощи, подкатывающей перед схваткой изнутри и обволакивающей мышцы сокрушающим врагов металлом.

Рон вдруг осознал, что полностью обнажен. Чьи-то пальцы схватили его за запястья и заломили руки за спину. Ударами сзади по ногам и давлением на плечи его принудили опуститься на колени. Настоятель уже стоял в шаге от него и надменно взирал свысока какими-то неестественно дикими глазами.

– Ты что, думал избежать своей участи, проклятый сукин сын? – ехидно спросил настоятель, кривя рот в ухмылке.

Рон пытался увидеть тех, кто удерживал его в унижительной позе мертвой хваткой, но их лица были смазанными, дрожащими, словно блеклые знамена на сильном ветру.

– Ничтожество.

Сказав это, настоятель выпустил в Сколла стеклянный луч, который насквозь прошел его левое плечо. Рон стиснул зубы и испустил сдавленный стон.

– Ты никогда не стал бы истинным бойцом!

С этими словами следующий стеклянный луч впился в правое бедро Рона.

– Откройте его глаза! – велел настоятель удерживающим Сколла людям.

Жесткие пальцы запрокинули его голову, ухватившись за волосы, и задрали ему веки, чтобы он не мог их опустить. В следующее мгновение в правой руке настоятеля вырос небольшой стеклянный ком. Он сжал кулак, затем снова раскрыл его. Теперь на ладони обезумевшего старца блестела горсть стеклянной пыли.

– Живи, мальчишка, – шурясь и ухмыляясь, проговорил старик. – Живи, но мечтай о смерти.

Настоятель сдул мелкую, словно мука стеклянную пыль с ладони в лицо Сколла. Насильно раскрытые глаза видели и чувствовали, как в них въедаются крупинцы стекла. Глаза медленно плавилась, болезненно растворялись с жутким, слышимым только ему шипящим

звучком, стекая по щекам бледной розовой лимфой. Свет мерк. Мысли о потере зрения разрывали сердце и голову. Рон надрывно кричал, не в силах ничего сделать. Безликие конвоиры отпустили его руки, опасности он больше не представлял. Рон схватился за лицо.

Глаза слезились, и он убрал от них руки. Способность видеть вернулась, но ощущение недавней слабости и отчаяния еще клубились в кипящем мозгу. Рон оказался на дороге, тянувшейся вдоль отвесной стены высокой скалы. По правую руку разбегалось вдаль редколесье. Недалеко впереди возле догоревшего костра рыл землю запряженный летной кабиной ящер. Ночь скрывала в скоплении деревьев и кустов кого-то, зовущего на помощь. Голос был очень знакомым, почти родным. Это была она, милая госпожа! Но он был всего лишь человеком, пусть и мастером магического боя, но сейчас ему это казалось ничем, в сравнении со звериной мощью, которая казалась теперь упорхнувшей заветной мечтой.

Он шел на мелодичный девичий голос в темноту.

– Помоги мне, – доносилась повторяющаяся фраза.

Рон приближался к местонахождению просящей помощи Элливияны. Но почему-то его все больше одолевала мысль, что она просит совсем не его помощи. Он пробирался в глубь редких зарослей и начал различать за очередными сомкнувшимися ветвями подрагивающий свет. Сколл убрал ветки, загораживающие обзор. Картина, представшая перед ним, заставила приоткрыть рот.

Элливияна, та самая нежно любимая им блондинка из прошлого, принцесса его снов, королева его разума сидела на высоком кресле без одежды. Напротив нее за решеткой в маленькой камере томился уродливый зверь, вцепившийся руками в железные прутья. Стройные ноги госпожи были разведены и закинута на подлокотники кресла. Правой рукой она неистово ублажала себя, глядя на шумно вздыхающего возбужденного мутанта. Пальцы ее левой руки играли с соском левой груди.

– Помоги мне, – томно обращалась она к безобразному пленнику.

И зверь, одним рывком оторвав от безграничных стен решетчатое ограждение, вторым отшвырнул его в темную пустоту. Он шел на своих прогибающихся назад ногах помочь молящей его об этом девушке. Зверь приблизился к ней, схватив за волосы, развернул в нужную сторону. Она покорно прогнулась, и он вошел в нее сзади. Его дикие толчки сопровождалась ее встречными движениями. Оба участника перешедшего в бешенство соития устремили взгляды в глаза наблюдающего за ними Рона Сколла.

Эта сцена и пленила и бесила Рона в равной степени. Этот зверь – Сколл сам должен быть им. Но должен ли он был вытворять такое с госпожой? Или вопрос стоило поставить иначе: хотел ли он сделать то же самое со своей госпожой?

Хотел.

Но никогда бы не посмел. И потому то, что происходило на его глазах, в корне противоречило его нерушимой позиции при нынешней жизни. Но что же это была за жизнь? Кто он сам, и кто этот зверь, что жадно и небрежно обладал его хозяйкой, держа ее за волосы, словно последнюю шлюху? Почему они вместе смотрят на него с таким вызовом? Все это вызывало чувства растущей раздраженности, горькой несостоятельности и жгучего стыда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.